

Ксения Москвитина

Лучший день

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ксения Москвитина

Лучший день

«Автор»

2022

Москвитина К.

Лучший день / К. Москвитина — «Автор», 2022

Этот сборник коротких рассказов — воспоминания о детстве, о друзьях, о взрослой жизни, о любви, о детях. Смешные и грустные автобиографические истории. Мы постоянно сталкиваемся с красивым и безобразным, смешным и печальным, любимым и ненавистным... Так было и в советские времена, и во времена перестройки, и сейчас... Важно в любой жизненный период оставаться собой и бережно хранить в памяти все самое дорогое. «Времена не выбирают, в них живут и умирают», — сказал петербургский поэт Александр Кушнер. Содержит нецензурную брань.

© Москвитина К., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Введение	5
День знаний	6
Остаемся зимовать	8
Свинка	9
Рига	11
Ленин	13
Щелкунчик	14
Театральная площадь	15
Под крышей дома	16
Виноват, исправлюсь	18
Комар живет, пока поёт	21
Ээй, ухнем!	22
Права	24
Диплом	27
День учителя	28
Новый Свет	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ксения Москвитина

Лучший день

Введение

Я родилась в Ленинграде. В детстве часто болела, постоянно ходила по врачам и сдавала анализы. Скучая в томительных очередях детской поликлиники, я решила: «Стану врачом – всех быстро вылечу!».

Перед школой мы поехали в Одессу, погреться и поправить здоровье. Мама катала меня по морским волнам на надувном матрасе и пела: «Ах, Одесса, жемчужина у моря...». В огромном саду прямо на голову падали перезревшие персики. Провожая нас домой, в Ленинград, хозяйка сада вручила мне ведро только что собранных фруктов и на прощанье сказала: «Пойдешь в школу – научишься считать до многа».

Напутствие тети Аллы не сбылось: с математикой отношения совсем не сложились. Но зато я с диким удовольствием училась читать и писать. Я чувствовала себя настоящей волшебницей, когда под моим взглядом буквы превращались в слова, обретавшие смысл.

Классе в четвертом у меня появилась мечта стать журналисткой, проснулось активное желание бороться за справедливость. Однажды, после необъективно выставленных оценок по истории, я украла и уничтожила классный журнал. Началась перестройка. Я очень гордилась тем, что родилась в один день с Михаилом Горбачевым, борцом за свободу слова, и стала юнкором в детской газете «Пять углов». Я с радостью ходила на занятия в Лениздат и писала честные статьи о школьной жизни, которые очень не нравились школьным учителям. Несколько раз меня пытались отчислить: за правду и за двойки по математике. Ни врачом, ни журналисткой я так и не стала: закончила Педагогический университет. Учю детей читать, писать и говорить правду.

На Новый год наряжаюсь в костюм Деда Мороза и исполняю желания. Что бы ни случилось, я верю в чудо.

День знаний

Все, лето закончилось, окно на кухне запотело, скоро первое сентября – суета, букеты, новые учебники. Жаль некого в школу проводить: дети уже выросли, а внуки ещё не родились. Даже сон приснился: привела Мушу, шестимесячного щенка старшего сына, на детские занятия. Первый урок – сольфеджио. Я в коридоре сижу, читаю, слушаю, как он за дверью поёт, интервалы называет. На перемене вышел довольный, съел сырник, водой запил. Следующий урок – английский. Хотела в банк по делам сбегать, пока он занимается, но осталась: в туалет, если что, сводить. «Hello, my small pupils!» — начал урок преподаватель. И вдруг дверь распахивается, Мушу выбегает из студии, мчится через дорогу так, что троллейбусы останавливаются. Я за ним. Прибежал в сквер, прыгает по скамейкам, лает и возвращаться на урок не хочет. Я стою обреченно и думаю: «Троих детей воспитала, никто с уроков не убегал. А с собакой справиться не могу...».

Когда я заканчивала университет, декан факультета попросила помочь с оформлением дипломных вкладышей. Июньская жара, на природу бы с книжкой – читать наконец-то не по списку. Но нужно помочь, последний рывок – дома у Марины Яковлевны. Она диктует, а я аккуратно записываю в дипломы бесконечную вереницу оценок по всем пройденным за пять лет предметам. При воспоминании о сдаче некоторых, по телу пробегают жутковатые мурашки. В соседней комнате готовится к выпускным экзаменам дочка Марины Яковлевны. Периодически заходит к маме спросить, когда можно будет сделать паузу.

— Когда поступишь! — строго отвечает мама, достаёт с книжной полки очередной том русской классики и вручает дочери.

И видя мой сочувствующий взгляд, добавляет:

— Детей, Ксения, нужно воспитывать как животных – ежедневная дрессировка! А иначе только Вы будете их любить!

Мы заполнили вкладыши, я получила диплом и занялась дрессировкой детей.

В первый класс мой сын поступил с трудом, в списках кандидатов он последний. Члены приемной комиссии единодушно диагностировали плохую слуховую память. Я очень удивилась, потому что уверена была, что с памятью у него все в порядке. Робко поинтересовалась, с каким заданием он не справился.

— Мы у него спросили: «Стихи любишь учить?», и ребенок ответил отрицательно. Это плохо: школа языковая, программа сложная. У Вас хороший мальчик, не мучайте его, найдите что-то попроще. И сыну комфортно будет и вам.

Муж не сдавался. Упорно ходил в школу и отслеживал движение в списке кандидатов. Активный папа очень понравился завучу, и Леву переместили в список первоклассников.

Я расслабилась. Лева делал уроки самостоятельно, а я в соседней комнате зарабатывала деньги, распространяя продукцию Кингисеппского молочного комбината. Не беспокоя меня, не дожидаясь пока я закончу телефонный разговор, Лева приносил под дверь записочку: «Уроки сделал. Пошел гулять с Андреем во двор. Целую».

Как-то раз я решила проверить его успеваемость. Открыла дневник, в глаза бросилось домашнее задание по Чтению: «Иллюстрация к стихотворению про гусеницу». Я долго листала тетрадь в поисках рисунка, но ничего похожего не было и близко. И, как только Лева вернулся с прогулки, призвала его к ответу.

— Как это нет? У меня все сделано! — возмутился ребенок и достал из портфеля клочок бумаги в клеточку, на котором синей ручкой была изображена тонкая горизонтальная линия со свисающим овалом.

— Вот, смотри: гусеница по ветке ползет. Это в стихотворении и рассказывается.

Я взялась за дело, как учила Марина Яковлевна. В результате непрерывающейся муштры, пятичасовых сидений за уроками, репетиторов и тотального контроля, учеба наладилась. Тихим майским вечером на даче мы с ним играли в бадминтон. Учебный год только завершился, по забору бегала белка – начиналось настоящее Комаровское лето.

— Мама, я сейчас понял, что люблю тебя, только когда каникулы. Ты сразу такая спокойная, добрая становишься! Скорей бы мне школу закончить.

За несколько дней до сдачи ЕГЭ мы договорились: если какой-нибудь предмет будет сто баллов, я бросаю курить. Пообещала на автомате: уверена была, что это не реально. Сотню Лева получил по двум предметам, закончил школу с золотой медалью. Я стала совсем спокойной.

В День защиты детей мы поехали в Москву. Младший сын, Марк, мечтал побывать на празднике детского телеканала Карусель. Дорога в столицу оказалась разбитой, ухабистой – лопнуло колесо, но в конце концов мы добрались. Я не была в Москве семнадцать лет. После такого долгого перерыва Москва произвела на меня грандиозное впечатление. «Лева должен учиться только здесь», — решила я на МКАДе и мой сын стал студентом МГУ.

1 сентября в Петербурге, складывая Левины школьные конспекты в коробки, я поняла, что натворила. По вечерам со слезами смотрела на его засохшую зубную щетку. А маленький Марк обнимал висящий на двери в ванной Левин халат и говорил:

— Спокойной ночи, братик!

Я снова стала нервной и курящей.

В школьные годы Лева очень любил слоеную булочку с яблочной начинкой – «Фунтик».

Когда он уехал в Москву, петербургский бренд «Хлебный дом» переименовал слойку. Фунтик стал Франтиком. Но вкус остался прежним.

После окончания университета Лева в Петербург не вернулся. Марк вырос, и мы вынуждены были переоборудовать Левину комнату в спальню. Остался только письменный стол у окна.

Я захожу в комнату, закрываю глаза – Лева сидит у компьютера. Я подхожу и целую его в затылок. Волосы такие жесткие и золотые. Пахнут весной, грецкими орешками и моей молодостью. В монитор не подглядываю. Честное слово!

Остаемся зимовать

Первого питомца, черепаху Чиру, мне подарили родители на День рождения. Вообще-то я просила собаку – карликового пуделя, но соседи по коммунальной квартире категорически не разрешали нам заводить крупную живность. И несмотря на то, что общение с черепахой в основном сводится к созерцанию, я была счастлива.

Я могла бесконечно наблюдать, как она ест, смешно вытягивая голову, откусывая маленькие треугольные кусочки и оставляя на капустном листе выемки в виде зигзагов. Мне нравилось делать уроки под ритмичное постукивание ее лапок по паркету. Кроме уюта, компактности и неприхотливости, Чира обладала ещё одним полезным качеством: она была безошибочным синоптиком. Перед похолоданием забиралась в темные углы или засыпала у батареи. По дороге из школы, у памятника Римскому-Корсакову, я собирала ей листья одуванчиков. И когда, придя домой, открывала дверь, Чира меня встречала: быстро ползла на середину комнаты.

Летом мы переехали на дачу. Чира, привязанная веревкой за лапку к крыльцу, ползала по свежей траве под кустами благоухающего шиповника. За черепашьей прогулкой из окна кухни пристально следила бабушка. Если Чира вдруг пропадала из поля зрения, бабушка ее находила и возвращала поближе к дому. Но однажды она Чиру не нашла: длинная веревка неподвижно извивалась в траве, а черепахи не было. Все оставшиеся летние дни мы как саперы ползали по участку, посёлку, лесу. Нашли все, что давно и безвозвратно потеряли. Все, кроме черепахи.

В сентябре, чтобы заглушить боль, купили двух милых рыбок гуппи и красивую сиамскую кошку Диву. Рыбки безмолвно скользили в аквариуме. Дива с яростным мяуканьем раскачивалась на занавесках. Рыбки погибли зимой от холода, а Дива весной от тяжелых родов.

В начале лета мы, как обычно, переехали на дачу. Брат взял лопату и пошел копать червей. Вырыл довольно глубокую яму - червей все не было. И вдруг лопата наткнулась на что-то твёрдое. Это была перезимовавшая в земле, спящая, но живая и здоровая Чира.

Свинка

На шестнадцатилетние мама подарила мне английского кокер-спаниеля. Исполнению мечты поспособствовала подруга из Звенигорода. Ее собака в начале лета принесла большое потомство, и я несколько месяцев уговаривала маму взять щенка. К концу августа мама согласилась, набрала долгов, а я начиталась книг по собаководству и поехала в Москву за щенком. К этому времени выбора уже не было, почти всех щенков разобрали, и мне досталась последняя девочка. Я назвала ее Дженнифер в честь любимой американской теннисистки и с энтузиазмом принялась за воспитание. Организовала удобное уютное пространство для сна, терла свежие яблоки и морковку, готовила кальцинированный творог, скрупулёзно приучала к гигиене и к командам, готова была подолгу гулять в любую погоду. Родословная у Дженнифер была безукоризненная, но эта чистокровная, красивая и очень дорогая собака совсем не хотела слушаться. Вырастить из нее интеллигентного и комфортного компаньона никак не получалось ни у меня, ни у мамы. Дженнифер отказывалась от здоровой пищи, круглосуточно требовала мяса, в туалет ходила везде, гулять предпочитала только на руках. Времена были голодные, девяностые, продукты продавали по карточкам. На купленный с огромным трудом по знакомству пятидесятикилограммовый мешок сахара Дженнифер пописала. Съела весь наш запас крупы, мою пудреницу, помаду и конверт с деньгами, подаренными папой на Новый год. За год совместной жизни она умудрилась сделать все, чтобы у меня надолго возникло стойкое непримиримое отношение к собакам и к другим представителям фауны. Поэтому, когда мой маленький сын Лев стал просить собачку, я твёрдо сказала: «Прости, но пока нет возможности!»

Ребёнок не сдавался. Тема собак звучала ежедневно.

— Мама, зачем ты назвала меня Лев? Я не люблю львов. Надо было назвать Собака. Ну или Шарик хотя бы.

На даче юный натуралист отвлекся: собирал гусениц, бабочек, жуков, улиток, раков, лягушек и выпавших из гнезд птенчиков. Все они дружно жили у нас на веранде. Но когда Лева привёз от свекрови в спичечном коробке огромного таракана, я сдалась. Поехала на птичий рынок и вернулась оттуда с маленьким, похожим на цыплёнка попугаем. Первые дни ребёнок светился от счастья, но постепенно о существовании попугая все, кроме меня, забыли. Попугай дрессировке не поддавался, русский язык учить отказался категорически, а во время телевизионных трансляций футбола так перекрикивал спортивных комментаторов и болельщиков, что приходилось изолировать его в ванной. Через год сын неожиданно вспомнил про попугая и поменял его у соседских девочек на крысу. Крыса бегала по квартире, пряталась под подушками и одеялами, коварно выскакивая из-за углов и бесстыже демонстрируя голый хвост. Через три дня мы совершили обратный обмен. Лева обиделся и вернулся с прогулки ни один. Позвонил в дверь.

— Кто там? — спрашиваю я.

— Мама, это я, но с другом.

Гостеприимно открываю дверь. В квартиру забегают огромный облезлый пёс и начинает носиться по квартире. Делать нечего: вымыли, вычистили, накормили. Вместо благодарности преобразившийся, облагороженный и сытый пёс подошёл к входной двери и попросился на свободу.

Страдающему ребёнку в качестве утешения к попугаю пришлось добавить морскую свинку. Свинка хоть и не собака, но доставляла Лёве гораздо большую радость, чем попугай. Зато совсем не радовала мужа, у которого началась сильная аллергия. Пришлось отвезти ее к сестре, с условием регулярно навещать, кормить, заботиться, чистить клетку. Так мы и делали. В один из визитов заметили, что она находится практически в бездыханном состоянии. Я,

рыдая от страха и ужаса, схватила телефон и набрала подругу, у которой в детстве были морские свинки, надеясь получить советы по лечению.

— Лена, у моей сестры свинка. Она умирает.

— У Регины? Бедная!

— Посоветуй, что делать! У тебя же была свинка!

— Я уже не помню, как лечили. А что врачи?

— Лена, да какие врачи?

— Вызывай скорую!!!

— Никто к ней не поедет бесплатно. Только если в клинику везти.

— Почему не поедут? У Майки мама же работает на скорой. Ездят бесплатно к больным.

Попробуй!

Экспериментировать с вызовом скорой помощи к морской свинке я не стала. И ветклинику посетить мы не успели. Спасти свинку не удалось.

Через несколько дней позвонила Лена узнать, как дела.

— Умерла, — сказала я спокойно.

— Боже... Сколько ей было лет? Когда похороны?

— Уже похоронили. Завернули в тряпочку и закопали во дворе. Возраст, честно говоря, не помню — вроде не очень и старая. Жаль, конечно, но что делать, бывает такое. Мы смирились.

— Прямо во дворе... — всхлипнула Лена.

— Да. Ну, что поделаешь... Съела, наверное, что-то. Хотя все время в клетке была.

— То есть как в клетке? — удивилась Лена.

— Она в клетке жила. Практически не доставали.

— Сестра? Регина? В какой клетке?

— При чем здесь сестра? Морская свинка!

Рига

Провожая дочку в школу. В раздевалке спорят первоклассники. Хвастаются, кто на чем приехал, у кого лучше, дороже, быстрее автомобиль.

— А я не на машине. Я пришла с бабушкой и с дедушкой! — гордо говорит девочка. Счастливая! Как хочется снова стать маленькой, любимой внучкой!

В детстве я жила в двух городах: в Ленинграде и Риге. Ленинград — это мама, папа, сестра, детский сад, поликлиника и тетя. А в Риге — бабушка и дедушка, совсем другое, сказочное пространство, которым я очень горжусь.

Поздно вечером мы выходим из автобуса и спешим на Варшавский вокзал. Стоим на перроне, и, пока проводница проверяет билеты, малюсенькие коричневые корочки, я наслаждаюсь запахом путешествий, от которого все внутри прыгает и зовёт в путь. Нетерпеливо жду у окна, пока тронется поезд, медленно потянется темнота за окном, застучат колеса, зазвонят чайные ложки, размешивающие сахар в стаканах. А рано я утром попадаю в другой мир: улицы, вымощенные булыжником, с загадочными названиями, пустынные, тихие, узкие. Мы идём мимо красивых витрин, заходим во двор на улице Дзирнаву — из окна на втором этаже машут бабушка и дедушка. И я бегу по красивой витой лестнице с треугольными ступеньками, звонок низко — можно не вставать на носочки. Потом традиционно измеряем мой рост в дверном проеме, на нем уже много отметок и сейчас появится ещё одна: я выросла! В Ленинграде мы живем в коммунальной квартире с соседями, а здесь в отдельной, четырехкомнатной квартире! В каждой комнате высоченный белый камин, двери с красивыми золотыми ручками, закрывающиеся большими золотыми ключами, как у Буратино. В Риге столько всего интересного: красно-желтые блестящие трамваи, зоопарк со слоном и бегемотом, мелкий белоснежный песок, огромное синее море, детский ресторан «Кукареку» в Юрмале, витрина «Детского мира», у которой я могу стоять вечно, разглядывая движущихся кукол. Но бабушка с дедушкой вечно стоять не могут, и мы идём закупить мне подарков. Дедушка называет это — потрясти карманы. У дедушки астма, он часто достаёт лекарство в коричневом кожаном чехле, подносит ко рту и прыскает, чтобы было легче дышать. Я очень люблю дедушку. Люблю, как от него пахнет, когда обнимаю. Дедушка называет меня «деточка», шутит, придумывает смешные стихи, раскладывает пасьянс и учит меня играть в шахматы. Каждый день ровно в 20:45 дедушка идёт на кухню, ставит чайник, и, когда начинается программа "Время", он ест вкусные булочки и пьёт чай из огромной керамической кружки. И я сижу рядом с ним и тоже ем вкусную булочку — таких в Ленинграде нет. В Риге все вкуснее: и борщ, который бабушка варит в огромной кастрюле, и сметана, в непривычной маленькой баночке, и хлеб — рижский, чёрный, ароматный, и масло, и глазированные сырки. Вместе с бабушкой и дедушкой в Риге живут мои тетя и дядя, бортпроводники: летают в разные города и возвращаются с коробкой фруктов, если города южные, с жевачками-конфетами, если Германия или Чехословакия, с шоколадным зайцем и хрустящей картошкой в маленькой пакетице, если Москва. Мы их встречаем: сидим у окна, ждем, когда раздастся во дворе щелканье тетиных каблучков или быстрая походка дяди. А вечером они гладят свою форму на кухне. Через мокрую тряпочку, старательно нажимая, чтобы сильно шипело и чтобы завтра нарядными улететь в небо. Тётя долго красится в ванной. И ванная здесь тоже необычная: огромная, с окном и большим зеркалом. У этого зеркала мне заплетают косы: мама, бабушка, тётя или, когда никого нет дома, дедушкины ученицы, с которыми он занимается математикой. Дедушка пишет им на листочках цифры, аккуратно, ровно. А мне разрешает посидеть рядом, если не буду мешать. Я смотрю на его руку: один палец не сгибается. Кажется, в детстве дедушка попал по нему топором. В дедушкиной комнате стоит широкий письменный стол с ящиками, а в них идеальный порядок. И дедушка знает точно,

где что лежит. Когда я прошу у него ножницы, он говорит: "Возьми в среднем ящике, в левом ближнем углу, деточка".

Дедушка гуляет со мной в Кировском парке - можно взять напрокат машину с педалями или самокат, но я выбираю качаться на качелях. Он раскачивает, и я лечу счастливая вверх-вниз. На обратном пути ем мороженое-эскимо в шоколаде, рижское. Съедаю половину до палочки и отдаю дедушке. А домой мы покупаем семейное мороженое в смешном тюбике, и я его выдавливаю сама, толстеньким червяками на тарелку.

А еще в Риге мне очень нравится гулять во дворе. Здесь даже есть цветочные клумбы, в которых растёт душистый горошек. Днём во дворе полно детей. Мальчик Роберт одел на голову коробку с дырками и с малюсенькой лампочкой. Роберт превратился в робота. Я плачу от страха и бегу домой. И тогда дедушка и бабушка сердятся на него, а меня жалеют. Роберт боится моего дедушку, потому что дедушка – начальник двора: следит за порядком. Иногда я хожу в гости к латышке Инге из соседней парадной. Она старше, с ней очень интересно играть. Мама Инги готовит вкусный латышский десерт из манной каши.

Уезжать из Риги не хочется. Мы везём в Ленинград конфеты "Коровка" - откусишь кусочек и тянется карамельная ниточка, коричневое печенье с перцем и колготки для меня - красивые, несползающие. Вечер, мы прощаемся, дедушка ласково говорит: "Чао, деточка", а бабушка плачет и обещает приехать в Ленинград, если не будут болеть ноги.

Ленин

Серое, навзрыд октябрьское, грустное небо всё ниже и ниже. Лето не вернётся даже вдруг, так что пора всей семьей сделать прививку от гриппа. Чтобы не было больно, идём к подруге детства.

Песочница и горка в Солдатском саду, на качелях в Львином, наполеон, строго по семейному рецепту в уютной петербургской квартире на Подъяческой улице, лечебная гимнастика с заботливой Алениной бабушкой, Галиной Ивановной. А потом школа: 8 лет одноклассницы за одной партой. После уроков – догонялки у памятника Глинке. Ленин строго следил за нами со стен школьных кабинетов, со страниц учебников. Маленький кудрявый ангел, октябренок Володя и строгий взрослый профиль в горящем костре бросали клич: «Будь готов!», чтобы старались, учились, сдавали макулатуру, помогали старшим.

По вечерам у нас с Аленой традиционный променад вдоль Мойки по революционной траектории: Юсуповский дворец, дом Набокова, дом Рылеева. В этом кармическом пространстве мы, две сознательные пионерки, выразительно учили: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции...».

Этим летом я волею судьбы оказалась на Кавказе. На пляжах Каспийского моря в изобилии валялись использованные медицинские шприцы. Дочка недоумевала: кому, в таком количестве, да ещё и на пляже, делали прививки? А я вспомнила, как мы искали шприцы в детстве. Рядом с Львиным мостиком, в помойке Дома Малютки. Но это было редкое везение – раздобыть шприц и понарошку стать врачом. Чаще всего мы находили бутылочные осколки и фантики. И делали из них секретики: закапывали рядом с качелями в Львином садике. Откопать планировали, когда вырастем. Но, оказалось, спрятали навсегда: «секретики» надёжно хранятся под домом, построенным на месте Львиного садика.

Зимой, классе в шестом, мы несколько недель ходили вместе в детскую поликлинику. Алене делали уколы, а я - за компанию. Поликлиника находилась в десяти минутах ходьбы от школы. Пока шли – разговаривали, шутили. Только мне было не до смеха. Потому что ампулу с лекарством для предстоящего укола Алена держала во рту: грела. Страшно было чудовищно – раскусит случайно и осколки разрежут рот. Напряжение проходило только перед кабинетом врача, когда она, наконец, без последствий, с улыбкой, вытаскивала изо рта целую ампулу. И зря я тревожилась рядом с таким толковым будущим педиатром.

Щелкунчик

Не люблю я зиму и эмоции общие не разделяю: «Чудная картина...». Я зимой мерзну. Даже если одета как капуста, спрятать нос, глаза и щеки никак не получается. Под моим замёрзшим, нелюбящим взглядом совсем другая лирика.

Однажды добрые спортивные знакомые пригласили меня покататься на лыжах в Зеленогорский парк. Думаю, они сильно об этом пожалели: на лыжах покатались совсем чуть-чуть – все остальное время пытались меня согреть, поили горячим чаем и делились своими шарфами, шапками, носками. Поэтому я предпочитаю зимой гулять в гордом одиночестве, не смущая себя и компаньонов. Особенно я радуюсь, что выросла и гуляю без папы, что он не трёт мне замёрзшие щеки своей огромной рукой в чёрной кожаной перчатке – твёрдой и ледяной. Гуляю я, не наслаждаясь зимними пейзажами, а мечтая поскорей вернуться домой, в тепло, стать медлительной сонной гусеницей и очнуться весной. Вообще, у нас семейная нелюбовь к зиме. И спасает нас в это угнетающее время года только семейная любовь к балету Щелкунчик.

В конце семидесятых на вокальные данные моей сестры совершенно случайно в школе на Крюковом канале обратил внимание преподаватель пения. Ее пригласили в детский хор Кировского театра. Оперы, балеты, концерты, ежемесячный гонорар. Во многих печатных изданиях тех лет есть фото сцены из Пиковой дамы с маленькой Региной на первом плане.

Каждый год, традиционно, талантливая сестра брала меня на все зимние «Щелкунчики». Мы заходим через боковой служебный подъезд, и я четко выполняю ее команды: голова прямо, не сутулиться, носки вывернуть, колени не сгибать. На вопрос охранника Регина серьезным тоном отвечает: «Я - хор, сестра – балет». И всю дорогу посмеивается надо мной, балериной с толстой попой. Но обижаться некогда – вокруг ведь такая красота! Меня сажает на свободное место администратор. Регине даю клятву сидеть молча и не рассказывать никому, как и почему я здесь. Она кладёт мне в карман парочку тянучек, чтобы я не похудела, и уходит распеваться. А я нетерпеливо жду начала спектакля, потом мысленно поторапливаю первое действие и антракт. Вставать с места мне запрещено, а сидеть молча не легко. Потом я тороплю крысиный бой, потому что боюсь этих тварей жутко. И вот, наконец, на сцене снежинки, поёт детский хор, и я, конечно, сдаюсь и, как лягушка из сказки Гаршина, начинаю хвастаться всем рядом сидящим, что это моя сестра поёт. Я горжусь и ликую. И кажется, что я тоже причастна к этому, что я тоже как будто там пою вместе с ней. Я счастлива безумно: мы уже выступили – можно спокойно наслаждаться волшебным путешествием, танцами, которые, я уверена, запросто повторю дома маме. А когда мы возвращается домой по заснеженной улице Декабристов, Реня рассказывает мне всякие интересные закулисные подробности: как кто-то в обморок упал, кого хвалили, кого ругали.

Вот, всего неделя зимы прошла, а я уже на трёх «Щелкунчиках» побывала. И так каждый год –привычка.

И каждый год я жду наступления зимы, потому что будет «Щелкунчик». И каждый раз на «Щелкунчике» я жду «Вальс снежинок», потому что, когда они летят, я как будто слышу Регинин голос, горжусь и ликую. И каждый раз под музыку моего самого любимого композитора я радуюсь тому, что вся эта меланхолия, зима, холод, крысы, все равно неизбежно закончатся третьим действием, «Розовым вальсом».

Театральная площадь

Когда мне снится школа, я просыпаюсь в жуткой панике. И только через несколько минут прихожу в себя и окончательно осознаю, что это был сон, что я там давно уже не учусь и что даже здание это, Сталинской архитектуры, давным-давно снесли, чтобы построить Новую сцену Мариинского театра.

Ноябрьское утро не спешит с рассветом – Ленинград спит, я стою под часами на Театральной площади и жду тебя. Стрелки ленивыми рывками отсчитывают минуты, в школу не хочется: там – чувство незащищенности, запахи туалета-столовки, учительский прессинг и постоянные проверки вшей. И вот, кокетливо, появляется из трамвая красная вязаная шапочка, подпрыгивает за спиной важный утёнок на портфеле, и мы вместе, ты и я. И хохочем, и бежим в школу. И хохочем на переменах, и жуем твои бутики с копченой колбасой, и кусаем по очереди сладкое-пресладкое яблоко гольден. А после уроков меняемся куртками и шапками, покупаем в книжном магазине “Гренада” переливные календарики и закладки, в аптеке – гематоген и идем по длинной Красной улице: мама ушла в ночное – будем играть в ресторан, слушать оркестр Поля Мориа на пластинке и разглядывать твои «помазки», аккуратно сложенные во втором ящике письменного стола. А потом – за уборку: мама любит порядок! И ты научишь меня мастерски подделывать оценки в дневнике. И своим изящным почерком придумаешь мне подпись – с сердечком, такую красивую, на всю жизнь. А в выходные пойдём гулять на Невский: кино, Ришар, и хохотать, и мечтать. И нам так уютно, так хорошо, что совсем не хочется взрослеть, хочется остаться в детстве навсегда...

А помнишь Филипповскую булочную на Театралке? Мчатся через обледенелый мостик две пары одинаковых скороходов. Небольшой бэкстейдж и жди нас газировка скоро-скоро. Стартовый капитал – пять копеек плюс твои гениальные математические способности, плюс мои актерские, плюс отзывчиво-щедрые прохожие, и реализовано это наше желание – пить много и послаще. И ты знаешь секрет, как правильно убрать-подставить стаканчик, чтобы сахар за ушами трещал. Только бы до дома добежать, от смеха не описаться, потому что весна в голове, почки набухли и скоро у меня День рождения.

А школьное дежурство после уроков, помнишь? На одной руке – статусная красная повязка, а другая, ещё счастливее, моет доску. И не дотянуться, даже на цыпочках, до «темы урока», поэтому прыгаем высоко вместе с холодной мокрой серой тряпкой или подбрасываем ее вверх, а она, приземляясь, мутными брызгами задевает лицо и школьную форму, но это так, пустяки, дело житейское. Другая, тоже очень серая и заскорузлая тряпка в тандеме с содой – для исписанных и разрисованных парт. Ну вот, готово, теперь можно бежать в столовую. Нет, не в школьную, а в театральную, на Крюковом канале. Только там продаются вкусные булочки с маком, облитые блестящим шоколадом. Балерины их не едят, а нам можно.

А скомканные клочки бумаги – записки, школьные СМС прошлого века, помнишь? Любопытно читаем, и – шваброй на тяжеленный железный совок. Осталось полить цветы: кактусы, алоэ, в горшочках, стоящих на жестяных формочках для выпечки кексов. Моем, подметаем, поливаем и... поем от радости песенку Маруси Орловой: «Кто дежурная? Я дежурная! Самая дежурная, лучшая дежурная!» Помнишь? Я и сама почти забыла...

Конец августа, предшкольный Петербург суетится и торопит осень. Я стою на улице Восстания в безысходном ужасе: детям не куплена сменная обувь, а времени нет совсем, и завтра уже первое сентября, и снова в школу – и чувство незащищенности, и прессинг. И ты появляешься из толпы. Знакомый, далёкий, наркотически успокаивающий образ – «весна в повороте лица», твёрдая походка и охапка роз. И снова мы вместе – встречаемся, хохочем, и ресторан, и мечты. И совсем как в детстве – хочется остаться здесь навсегда...

Под крышей дома

В начале восьмидесятых я, как и большинство моих одноклассников, жила в коммунальной квартире.

Наша комната, на углу Фонарного и Декабристов, была слишком просторна для двоих – двадцать пять квадратных метров. Всего один лишний метр мешал нам встать на очередь для получения отдельной квартиры, о которой мы, честно говоря, очень мечтали. Но мечта осуществляться не спешила. И мама, стараясь нивелировать ущербность коммунального быта всевозможными способами, создавала особенный декор, центральным элементом которого была антикварная люстра, найденная на помойке и отреставрированная маминым другом Жориком, талантливым художником с безупречным вкусом и золотыми руками. Другая, не менее талантливая мамина подруга, Наташа Скроман, сшила маркизы и ламбрекены. Жорик, увидев прекрасные занавеси, воплотил в жизнь еще одну свою дизайнерскую фантазию: бронзовые карнизы, а заодно специальную палочку, чтобы изысканно раззавешивать шторы и смотреть из окон на улицу, по которой когда-то ходил Александр Блок. Вот так мы потихонечку жили, с трепетом и надеждой слушая обещания Михаила Горбачева расселить все коммуналки.

Но было одно «но», сильно нарушавшее наш петербургский уют, – протечки. Мы жили на последнем этаже, и как только начинал таять снег, эстетика кардинально менялась. Поэтический салон превращался в сырую тюремную камеру. Мама, отложив книгу, бралась за перо. И периодически меняя быстро наполняющиеся водой ведра и тазы, писала письма во всевозможные органы власти. И каждый год, в апреле, в нашем доме меняли кровлю, а в комнате делали ремонт. Приходили две крепкие девушки – Люба с Валея. В пилотках из газеты «Правда», с кистями и ведрами. Работали по три часа в день: замазывали, красили, клеили. В первый день – размывали потолок, во второй – белили, красили окна и клеили обои. Весь ремонт шесть часов – очень лихо. Иногда девушки делали перерыв, пили чай, а мне настоятельно советовали учиться хорошо и делать уроки, чтобы в будущем не стать маляром и не дышать всякой гадостью. Перспектива стать похожей на Любу с Валея серьезно настораживала, так что в школу я ходила с радостью и старательно делала все домашние задания.

Вот пришли мы однажды с моей одноклассницей Беатой из школы, пообедали, посмеялись, поставили пластинку с песнями Юрия Антонова и – за уроки. Сели и, склонив головы над тетрадями по русскому языку, аккуратно выделяли корни, суффиксы, окончания. Дело было в феврале, солнце пригревало, снег на крыше таял и струился в стоящие на полу тазы. Из коридора то и дело доносился жуткий грохот. Это сосед-моряк, отмечавший возвращение на сушу после долгого плавания, пытался дойти до туалета. Тело его никак не могло отвыкнуть от качки и после очередной попытки сделать шаг, рефлекторно принимало горизонтальное положение на полу. Эти ритмичные, как метроном, звуки капли с потолка, падающего в коридоре Эдуарда Аркадьевича и голос Юрия Антонова: «Под крышей дома твоего...», – навеяли нам с Беатой гениальную мысль. Мысль, как ускорить получение отдельной квартиры. Мы поставили на письменный стол, стоявший в простенке между окон, стул от пианино, раскрутив на максимальную высоту. Беата была повыше меня, поэтому главная роль досталась ей. Встав на стул, она должна была палочкой, той самой, Жорикиной, для манипуляций с занавесками, отломать максимально большой кусок мокрого потолка, чтобы комиссия признала комнату для жилья непригодной и нам наконец дали бы отдельную квартиру.

Беата уверенно долбила мягкую от протечки лепнину. А я стояла внизу и режиссировала процесс. Пара успешных ударов – и два огромных куска потолка, задев карниз и занавески, торжественно приземлились на письменный стол, на котором лежал реквизит: учебники и тетради – свидетельства, подтверждающие ущерб и трагедию маме и комиссии. Все происходило вовремя и как надо. Придя с работы и открыв дверь в комнату, мама увидела страшную сцену.

С мокрого, частями обвалившегося потолка, текла вода. На полу валялись маркизы и карнизы. У заваленного штукатуркой стола сидели мы – испуганные, грязные, несчастные и рыдающие. Ну а дальше солировали артистичные Беатины реплики: заливаясь слезами, она описывала моей маме, какой шок мы испытали от неожиданного обвала и как чудом остались живы. Описывала так гениально и профессионально, с такими эмоциями, так психологически достоверно, как будто все сценические искусства, все актерские техники у неё давно за плечами – пройдены и блестяще изучены. Маму увиденное и услышанное впечатлило очень сильно. На лице надолго застыл ужас. Потом ужас сменился гневом - она села и написала очередное сердитое письмо в органы власти. Финал нас разочаровал. Квартиру, конечно, не дали. Комиссия прислала Любу с Валею. И они как обычно с резвой сноровкой сделали ремонт за два дня и ушли, незаметно прихватив из холодильника шоколадку Mars, которую мне привезла мамина подруга из Берлина и которую я берегла три месяца, чтобы торжественно съесть в День рождения вместе с Беатой. Так что я долго грустила из-за шоколадки, а Жорик и Наташа Скроман долго реставрировали маркизы и карнизы.

Прошло много лет. Авантюризм угас. А старенькая антикварная люстра, с улицы Декабристов, все еще горит. Преданно, как луч из детства, она освещает просторную гостиную, по-прежнему оставаясь главной составляющей моего фэншуя.

Виноват, исправлюсь

— Нель, ты на улицу ходила уже? — спрашиваю я у соседки, — Какая сегодня погода?

— До Сенной нормально дошла, а обратно – вся спина мокрая!

Как говорит сейчас моя дочка:

— С меня сто котов сошло.

Коммунальные квартиры счастливы по-своему.

В нашей коммуналке было пять комнат.

В соседней с нами много лет жила красивая, полная, весёлая украинка Неля. Приехала в Ленинград из Ворошиловграда погостить, вышла замуж, родила дочь, развелась и стала нашей соседкой. Неля умела все! Как будто с утра до ночи нон-стоп вела видеосайт лайфхаков на все случаи жизни. Ее сильные руки с идеальным маникюром легко орудовали не только скалкой и вязальными спицами, но и запросто ремонтировали все вокруг – от мелкой техники до сложных механизмов. Увидев нерасторопные мучения моего мужа, электрика, битый час возившегося с ремонтом старых ламп из Архитектурно-строительного университета, Неля с улыбкой забирала развалившиеся музейные экспонаты. И через пятнадцать минут электрические приборы сияли светом как новые. Ее уникальная аккуратность доводила все, к чему она прикасалась, до совершенства. Ни одно пространство в мире, за исключением собственной комнаты, не соответствовало Нелиным представлениям о порядке. Именно по этой причине Неля никогда не ходила в гости к своей взрослой дочке. Всю субботу и воскресенье дочь и внук проводили у неё: в кристально чистых условиях. Готовила Неля не просто вкусно, но и удивительно красиво. Домашняя выпечка, торты, вареники, сделанные ее волшебными руками, имели безукоризненный вид. Я обожала наблюдать, как она лепит идеально ровные вареники, проворно заплетает пряди макового рулета, украшает торты бабочками, цветами, грибами. Самое интересное, что по окончании всех манипуляций, стол, духовка и противни сохраняли целомудренный вид.

Мама и Неля дружили. Когда я в 7 классе получила двойку за переводной экзамен по алгебре, мама решила меня покрестить, и Неля стала крестной.

После удочерения в Никольском соборе она усиленно подкармливала меня сдобой и приглашительными на концерты. Обаятельная хохотушка, секретарь гостинцы Россия, Неля легко доставала билеты в СКК: Алиса, Кино, ДДТ, Аквариум, Ласковый май, Modern Talking, Ricci a Poveri.

Однажды, сидя напротив и наблюдая как я поглощаю оладьи, глядя мне прямо в глаза, Неля строго спросила:

— Ты – беременна?

Я смутилась, мяукнула что-то невнятное, поулыбалась и на следующий день пошла к врачу. Обратиться в женскую консультацию несовершеннолетние девушки могут только с мамой. На выручку пришла другая соседка.

Марина жила в самой маленькой угловой комнате с окнами на Фонарный переулок. Приехала в Ленинград из Тувы, поступила в техникум, поселилась в общежитии, вышла замуж, развелась и переехала в нашу коммуналку. Работала Марина на химическом предприятии, очень хотела перебраться в отдельную квартиру и родить ребенка. Мечты о квартире почти сбылись путем обмена с доплатой, а вот с материнством не складывалось: мешали медицинские проблемы. Знакомых гинекологов у Марины было пруд пруди.

— Хорошая, здоровая беременность! Скорее вставайте на учет. Легких родов! — бодро сказала мне доктор.

Сообщить маме такую новость не просто. К разговору я готовилась как к казни. Собрала все мужество и заикаясь произнесла:

— Мама, у меня весной ребенок родится...

— Боже мой! Так я и знала. — закричала мама. — Какой позор: даже 18 лет не справиться по-человечески. Ты меня в могилу загонишь раньше времени! Убирайтесь вон из моего дома!

Саша нервно ждал окончания разговора в коридоре. Я сложила конспекты, учебники, зубную щетку, вышла из комнаты, и мы поехали к будущей свекрови.

— Ксюрик, не расстраивайся! У нас лифт есть и метро ближе. Заработаем кучу денег, купим большую квартиру на Фонтанке и плевать на всех этих злых родственников! Не бойся, я с тобой!

В коммунальной квартире свекрови – бывшем общежитии ткацкой фабрики на Московском проспекте – был установлен тоталитарный режим. После девяти часов вечера дверь закрывалась на огромный металлический крюк: опоздали – приходите утром. Ходить по коридору можно было только на цыпочках, в темноте. Горячая вода на кухне отсутствовала. Телефона не было. Периодически в квартире на шестом этаже пробегали мышки. За ними с совком носился Саша: ловил, убивал, выносил на помойку. А вернувшись и вымыв руки, обнаруживал следующую жертву. Бесконечная охота напоминала мультик про Тома и Джерри.

Самым строгим правилом в квартире был обязательно поднятый стульчак в туалете. Довольно странный порядок, учитывая, что Саша – единственный мужчина в квартире. Но Татьяна Васильевна говорила, что так удобней выливать суп из кастрюли.

За новость о том, что скоро станет бабушкой, Татьяна Васильевна отвесила Саше подзатыльник, но выгонять не стала. Приютила, кормила творогом, пирогами. Периодически дезинфицировала нашу комнату карбофосом. После таких обработок, с разрешения двух пожилых одиноких соседок, мы с Сашей ночевали на кухне: готовились к экзаменам и читали Довлатова. Оптимизма добавлял свекор, время от времени навещавший нас по дороге на работу. Павел Георгиевич угощал меня шоколадными конфетами и подбадривал:

— Жалко вас, ребята! Бедные. Не понимаю, Ксюша, за что тебя Татьяна Васильевна так не любит. Ну что делать. Женщины все – немного странные. Таня очень хороший человек.

В женскую консультацию меня сопровождала сестра. Если по дороге нам встречались несчастного вида мамы с плохо одетыми детьми, Регина говорила мне:

— Вот, это твое будущее. Еще не поздно его избежать. Послушай сестру! Решайся!

Зато пополнение в семье очень обрадовало моего папу. Он взял с меня обещание, что я назову сына Виктором в честь бабушки и серьезно помог нам: оплатил свадьбу, роды и все необходимое для новорожденного. К обещанию назвать ребенка Виктором я отнеслась довольно легкомысленно, в полной уверенности, что у меня родится дочь София. Но потом папа одобрил имя Лев.

После свадьбы мама разрешила мне вернуться домой, в родные демократичные пенаты.

К этому времени соседка Марина вплотную подошла к осуществлению своей мечты по улучшению жилищных условий. Путем обмена в ее комнате поселился уголовник и пьяница Владимир Подопригора. Иметь такого жильца всегда страшно, но особенно неприятно в преддверии рождения младенца. Это была задача посложнее поднятого стульчака и отбоя после 21 часа. Жизнь в квартире превратилась в экстремальное приключение. Безумные круглосуточные оргии с друзьями-сокамерниками, драки, грязь и воровство продолжались довольно долго, пока Владимир не сел за очередное преступление.

Лева родился в один день не только с Элтоном Джоном, но и с легендарным соседом. Володя этому событию радовался бурно и долго, а меня возможное совпадение гороскопа моего сына с соседским угнетало. После нескольких визитов участкового Володя наконец завершил праздновать рождение. Сосед искренне каялся, признавался всем соседям в любви и обещал приглушить свое бытие ради ребенка. Украд у нас целую коробку детского питания, Володя с поклоном преподносил мне ежемесячно по банке со словами:

— На, Клава, возьми! Леху покормишь!

Соседка Неля от такой наглости зверела:

— Нахал ты, Володька, бессовестный! Как не стыдно! Воруешь из-под носа у бедных детей, а потом даришь! Сволочь!

Володька вставал перед Нелей по стойке смирно, отдавал честь и отвечал:

— Виноват, исправлюсь!

Комар живет, пока поёт

Сегодня обнаружили, что септик переполнен, нужно срочно откачивать. Пришлось вызывать машину. Специалист приехал оперативно, откачал и гордо продемонстрировал качественную работу. Гонорар потребовал серьезный. Спросила, почему так дорого.

— А Вы как хотели? Это же Комарово! Красивое, культурное место: даром здесь гадить не получится! — возмутился мастер.

Спорить с таким логичным ассенизатором я не посмела, безропотно вручила деньги. Он поблагодарил, улыбнулся беззубым ртом и, уходя, смачно высморкался в клумбу ландышей. Комарово, действительно, очень культурное место!

Мечтаю, когда вырастут дети, работать в Комаровской библиотеке: буду наслаждаться общением с читателями, вдыхать библиотечную пыль, расставлять книги по полкам — не даром же я три года отучилась на библиотечном факультете.

В детстве я ходила в библиотеку Юсуповского дворца. Вход в Дом Учителя, так он назывался в Советские времена, находился в глубине Солдатского сада, на улице Декабристов. Я останавливалась посмотреть в щелочку окна, наглухо закрытого жалюзи, на стоящую во флигеле карету. Представляла себе, что это давно забытая тайная комната, в которой хранятся драгоценности и другие интересные загадки. В мечтательном настроении я поднималась по лестницам дворца и, предвкушая книжные запахи, открывала дверь в библиотеку. За столом, под лампой, сидела рыжеволосая женщина с чуть суровым взглядом и тихим голосом. Настоящая фея, угадывавшая читательские желания. Домой я возвращалась бегом, без остановки у кареты, боясь потерять сокровища, которые мне на две недели вручила волшебница. Дома, быстро вымыв руки и аккуратно обернув книгу в обложку, садилась читать. В полной уверенности, что я как герой фильма «Бесконечная история» попаду в сказку. И попадала. А когда возвращалась из сказки, бежала в библиотеку за новой. И снова запоем, взахлеб. Вход через Солдатский сад закрыли после пожара. Приходилось идти долго, в обход — по набережной Мойки. Петлять по узким заколоченным строительными лесами коридорам дворца, в которых стоял зловещий запах гари и тишина. За несколько лет я не встретила в этих коридорах и в самой библиотеке ни одного человека. От этого обстановка становилась ещё таинственней. Казалось, что я одна иду по магическому коридору, только для меня открывающемуся.

Моим детям эта волшебна-библиотечная история передалась генетически. Комаровская библиотека для них — совершенно особенное место. Директора библиотеки они считают волшебницей. А библиотечные книги — гораздо интереснее домашних и купленных. Я и сама в этом твёрдо уверена. Каждое лето беру дневник Шварца — дома есть такой же, но библиотечный интереснее. И книги по школьному списку для летнего чтения читаем только библиотечные. А дочь только после библиотечной версии сказок Корнея Чуковского начинает искать на участке Бибигона.

Как-то летом я увидела объявление, что в библиотеке проходят уроки живописи для детей. Марку было пять лет, рисование — дело полезное, мы пришли на занятие. Пока ребёнок рисовал, я сидела на скамейке и думала о том, какое прекрасное у него детство, какое счастье — летом, в Комарово, на веранде библиотеки, в приличном обществе рисовать бабочек. Занятие закончилось, задумчивый ребёнок вручил мне картину и спросил:

— Мама, а что такое жопа? Мальчики все время про жопу говорили.

Ээй, ухнем!

В августе всегда выбираюсь за грибами. Одна – только я, корзинка, лес, грибы, ягоды, медитация. Проходя мимо пляжа, останавливаюсь. Курю и с подозрением смотрю на закаленных дачников, заставляющих себя войти в воду: «А водичка-то хорошая!».

Вокруг Щучьего озера много лисичек, любимых грибов моей мамы. Долго брожу, дышу воздухом финских свобод, слушаю струны сосен, объедаюсь черникой и брусникой. Грибов, как всегда, не нахожу. Пустая корзинка только мешает. Видимо, здесь до меня побывал папа – уникальный грибник, которому даже катаракта и глаукома не мешают возвращаться из леса с полными ведрами, с мая по декабрь включительно.

Именно папа учил меня собирать грибы. И пустые корзинки – результаты его «школы». В детстве мы ездили в Воейково. По дороге в лес, чтобы я не заскучала, папа сочинял мне чудесные сказки про Шпильку и Бублика. Потом усаживал на холм, доставал из огромного портфеля термос и бутерброды с колбасой. Я пила чай и смотрела, как по холмам бегают зайцы и папа с портфелем и ножом. Потом папа приводил меня на полянку и говорил: «Ну, доченька, посмотри внимательно! Вдруг найдёшь грибочки?». Особых усилий для этого не требовалось: грибная полянка была им подмечена заранее, пока я пила чай. Безумно счастливая я складывала в корзинку штук двадцать белых. Грибы ведь растут дружными семьями. И папа гордо рассказывал дома маме, какая я молодец, какой потрясающий грибной нюх унаследовала от отца.

Когда мне было восемь, родители развелись. Папа забрал портфель, нож, маленькую комнату, в которой мы жили с сестрой, и ушёл к молодой жене. На прощание сказал, чтобы я помнила, что он меня очень любит.

Родители никогда не покупали мне пирожки на улице.

— Грязные и непонятно из чего, — говорил папа.

У выхода из метро Московская стоял огромный ларек и стол, заставленный мутными от молока стаканами. В ларьке продавали молочные коктейли.

— Фу, какая антисанитария! Как можно это пить! — возмущалась мама.

Втихаря, по дороге в музыкальную школу, я заходила в овощной магазин, покупала себе сок и с большим удовольствием пила из грязного стакана. На обратном пути – в столовой «Снежок» съедала пирожок с капустой.

После развода папа снял все ограничения на общепит. Мы ходили с ним в пышечную, пельменную, ели сардельки из бумажных тарелок в Пушкине, у метро Московская пропускали по стаканчику молочного коктейля.

Особенно папа был счастлив, когда угощал меня мороженым в кинотеатре Колизей. Мороженое можно было есть в неограниченных количествах: новая папина жена Валентина работала там буфетчицей. Мы с утра до вечера смотрели фильмы, а в перерывах сидели в буфете. Папа был рад, что может устроить мне такие прекрасные выходные:

— Видишь, как Валя тебя любит!

Когда я закончила школу, Валентина Александровна перешла работать в пансионат Дюны. Мы с маленьким Левой снимали дачу в Разливе и пешком ходили подкормиться в Дюны.

Папа свил новое семейное гнездо в Сестрорецке: рядом с пансионатом и грибным лесом. Валентина Александровна серьезно занялась флористикой, и в трехкомнатной квартире для этой цели оборудовали мастерскую. На все праздники нам дарили композиции из мха, шишек и коряг. Папа собирал в лесу природные материалы и тер пенопласт на терке. Мы стали видаться все реже и реже.

Вспомнил папа о моём существовании только прошлым летом, оказавшись в больнице с гангреной.

Каждый день я ездила в больницу: навестить и покормить. Он меня очень ждал, звонил утром, спрашивал во сколько приеду. С любовью и чувством долга я несла ежедневную вахту. Первая половина дня – у плиты: все самое свежее, диетическое. Бульон, котлеты, пюре, морс. Вторая половина дня – в больничной палате. Рассказывала папе чудесные сказки про Шпильку и Бублика. Через полтора месяца, к середине июля, в Петербурге на один день установилась летняя погода, и я решила устроить себе выходной. Мучительный внутренний диалог эгоизма с совестью закончился тем, что я провела утро не на кухне, как обычно, а на Щучьем озере. Потом купила парочку котлет из щуки в кулинарии ресторана «Шаляпин», привезла в больницу и выдала за свои. Папа позвонил вечером, не дожидаясь утра: «Завтра, дочка, много не тащи – только котлет таких и все, больше ничего не нужно!». С тех пор и до выписки в августе в списке папиных пожеланий солировали щучьи котлеты из ресторана «Шаляпин». Еда – это серьезно! Папа выздоровел, на прощание сказал, что очень меня любит, и перестал звонить.

Моя дочь обожает поговорки. Она их как-то по-своему запоминает и по-своему употребляет. Больше всего мне созвучна в ее блестящей интерпретации: «Когда я нем, я глухо ем!».

Права

Тени падают по-осеннему, шумят деревья, улетаю птицы – скоро начнется учебный год, и Лева станет первоклассником. Не представляю, как он такой крошечный, с тяжеленным ранцем будет один подниматься по школьным ступенькам. Последние дни лета проводим на даче. Ребенок научился разводить огонь – весь участок в кострах. Сомневаюсь, что это пригодится в школе, поэтому дачный сезон закрываем пораньше. Саша приезжает за нами угрюмый, сердится и не разговаривает. Вечером спокойно сообщает, что влюбился в кассира строительного магазина в Зеленогорске. Он пока не знает, уходить от нас или нет, но уверен, что чувства взаимные и очень сильные. Красивая Наташа объяснилась ему в любви на товарном чеке.

— Без орфографических ошибок! — несколько раз похвастался муж.

После Сашиной исповеди мне хочется немедленно сесть за руль и на большой скорости умчатся куда-нибудь далеко. Но прав нет и убежать не получится: не умею. Когда в школе на Крюковом канале все бежали кросс, я пряталась за тополем. На последнем круге появлялась из-за дерева и финишировала с ровным пульсом.

На следующий день пошли с Левою кататься на аттракционах. Несусь как ветер, и становится легче. Жаль только, что из круга не вырваться.

В конце августа на школьном собрании я записываюсь в родительский комитет. Первое поручение – покупка 25 надувных воздушных шаров для первоклассников. У ларька с шарами стоит стритлайн автошколы «Светофор».

1 сентября Лева пошел в первый класс, а я – на курсы вождения.

Инструктор, бывший водитель троллейбуса, запил витамины минеральной водой Боржоми, улыбнулся золотыми зубами и скомандовал: «Трогайся!»

Я медленно доехала до перекрестка и остановилась. Долго соображала, где главная дорога, кто справа, кто слева. Владимир Валентинович устал ждать и прикрикнул, а я заплакала.

— Что ж ты сразу не сказала, что такая ранимая. Ладно, будем по-другому, — утешал меня Владимир Валентинович.

Через несколько месяцев я сдала экзамен и получила права.

Саша закончил строительный объект за городом и больше в Зеленогорск не ездил: закупался в Максидоме.

На десятилетие нашего знакомства муж подарил мне кольцо-дорожку. Я бросила водительские права в ящик письменного стола и занялась дипломной работой.

За год я попрактиковалась в вождении машины всего несколько раз: возвращаясь из гостей, была задействована трезвым водителем.

Как-то раз Саша опаздывал на встречу и попросил помочь. Я должна была довезти его, припарковаться рядом и ждать, когда он вернется. Первый раз в жизни я ехала совсем одна, без подсказок. Возможности одновременно следить за дорогой и искать свободное место для парковки не было: я смотрела только прямо. Каким-то чудом я в конце концов остановилась, но случилось это не скоро. Саше пришлось добираться до меня аж на метро. После этой истории я даже не заикалась о покупке второй машины: поняла, что ничего у меня с вождением не получится.

Левин юбилей отмечали в последней нашей съемной квартире, на улице Савушкина. Одиннадцатый год начинался на одиннадцатом этаже. В новом, только что построенном доме лифт еще не запустили. Подниматься было тяжело, но Лева изобрел отличный способ: задумывайся о чем-нибудь важном при подъеме – и не заметишь, как окажешься у цели. Вид из окна – как набор панорамных открыток с видами Петербурга: Петропавловский собор, Исаакиевский, Троицкий.

На День рождения мы подарили ребенку велосипед. Снег еще не растаял, и Лева тренировался дома. Он катался по квартире, а я мыла горы грязной посуды после вчерашних гостей. Раздался телефонный звонок, я мокрой, скользкой рукой хватаю трубку и еле слышу тихий голос Кости, маминого мужа:

— Ксюшенька! Ксюшенька! Ты только не волнуйся. Машуля ударилась ногой и головой. Мы в больнице в Сестрорецке. Все хорошо. Не волнуйся. И Регине скажи, что приезжать не нужно, у нас все в порядке.

— Что? В какой больнице?

Из крана льется и шумит невыключенная вода. Я ничего толком не понимаю и кричу в трубку:

— Константин Львович, что с мамой? Почему в Сестрорецке? Почему она сама не позвонила??

— Мы погулять поехали на залив и попали в аварию. Больница в Сестрорецке.

От Савушкина до Сестрорецка по прямой 30 минут.

Мама лежит, глаза закрыты, все лицо в кровоподтеках.

— Мама, как ты? Что случилось?

— Где я? Сколько времени?

Врач честно предупреждает, что здесь не вылечить, нужно срочно перевозить в город. Но это можно сделать только завтра.

Я сижу на соседней кровати. Мама периодически открывает глаза и спрашивает, сколько времени.

В палате еще несколько женщин со сломанными ногами. Они тоже не спят всю ночь, нервно курят, беспокоясь за маму.

Утром маму переводят в палату интенсивной терапии НИИ им.Паленова.

В реанимацию можно зайти только на пять минут в белом халате. Я в Сашиной рубашке.

— Доченька, где я? Что случилось? И откуда у тебя такой халатик?

— Это Сашина рубашка.

— Ой, как интересно! А ты шить умеешь?

— Нет, мама, не умею.

В палате, кроме мамы, есть еще трое пациентов, пострадавших от ДТП. Изредка приходя в себя, больные чудовищно матерятся. Все, кроме мамы. Мама только спрашивает, что это за халатик и умею ли я шить.

— Как Маша? — волнуется Лева, когда я возвращаюсь из больницы. — Сегодня про халат спрашивала?

Улучшение наступило только через десять дней. Мама резко села в кровати, посмотрела на меня внимательно, не спрашивая про халат, покрыла трехэтажным матом и потребовала немедленно вернуть ее домой.

В больнице мама лежала долго, а потом еще очень долго выздоравливала дома. Кружилась и болела голова, беспокоили проблемы с памятью. Все это время она не курила: забыла о сигаретах. А когда вспомнила — поправилась окончательно. Машину Вольво, их любимую девочку, влетевшую в столб после заноса на скользкой дороге, спасти не удалось. И непроверенные тетради с сочинениями, которые мама взяла с собой на прогулку по заливу, остались в машине навсегда. Мама помнит завтрак, а дорогу до Белоострова и трагический момент ДТП память стерла навсегда. Константин Львович больше за руль не садился, и я была с ним в этом солидарна.

Через несколько лет, во время беременности, я вдруг осмелела. Саша слевой улетели на море, а машину нужно было отвезти на станцию техобслуживания. Дорогу с пассажирского сидения я видела много раз: мы часто бывали в ремонте. Чтобы не нервничать на перекрестках, я выехала в пять утра. Спать в последние недели перед родами не очень получается, так что

все сложилось удачно. Доехала я свободно, без помех и без приключений, а заодно серьезно повысила самооценку. Но после родов, вспоминая эту поездку, сама себе удивлялась несказанно, и права опять валялись без надобности. Однажды маленький Марик даже выбросил их в помойку: проводил ревизию моих сумок и решил избавиться от содержимого кошелька.

Раз в четыре года в Петербурге наступает очень жаркое лето. Я с Марком ежедневно по несколько раз совершала пятидесятиминутную прогулку от дачи до Комаровского берега или Щучьего озера. Особенно запомнился мне подъем с трехлетним ребенком в коляске по крутой Морской улице. За месяц я похудела так, что легко могла примерять Марикину одежду.

В середине лета, на День рождения Марка, Саша подарил мне машину. Серое Пежо 107 мы называли мышонком. Ездить я начала немедленно, но, правда, от страха похудела еще сильнее. Подниматься на машине по Морской мне, как начинающему водителю, тоже было непросто. А дорога на Щучье, Озерная улица, казалась экстремально узкой. Несмотря на миниатюрный размер машины, я до обморока боялась лобового столкновения с одной стороны и кювета с другой. Марку на всякий случай одевала шлем. Мокрые от ужаса руки мертвой хваткой сжимали руль. В конце дачного сезона Саша сам перегнал машину в город. Две первые недели сентября я про вождение даже не вспоминала: с радостью ходила пешком и восстанавливала вес и нервные клетки. Через две недели метро Горьковскую закрыли на ремонт, Саша улетел по делам в Китай и, чтобы отвозить детей на занятия, мне пришлось освоить Петроградскую сторону. Но езда за ее пределами в планы точно не входила.

Саша получил второе высшее образование и, распрощавшись со стройками, искал работу. На собеседование вызвали срочно, нужно было съездить в центр города. Его машина была в Москве, и мы поехали на моей. Саша сам сел за руль, а я, пока на пассажирском месте, завязывала ему галстук. Возвращаться обратно на Петроградскую мне предстояло одной. На Троицком мосту я рисовала себе страшные картины падения в воду: перед глазами мелькал сюжет о цунами в Таиланде. Я старалась ехать только в левом ряду, подальше от воды.

Мастерство постепенно росло, левые повороты больше не шокировали. Через год я научилась обгонять на трассе. Эмоционально это напомнило первые роды. С появлением навигатора осмелела окончательно. Я буквально отдыхала за рулем, стала ездить на довольно приличные расстояния. Даже удивлялась, почему Саша жалуется на усталость, если много времени проводит за рулем. Я не уставала даже от поездок в столицу. Единственное, чего не хватало для полной уверенности, – пообщаться с сотрудником ДПС: меня ни разу не останавливали. Но когда муж переехал в Москву, в заметках телефона появился режим работы ГИБДД Петроградского района. За первый месяц я три раза попала в ДТП, несколько раз превысила скорость, развернулась на трамвайной остановке, проехала на красный свет. Все это происходило в самое неподходящее время, в тяжелых погодных условиях и с длительным ожиданием помощников. Я стала ездить предельно осторожно и медленно, но даже это не спасло: лопнуло колесо. Разлука и тоска плохо влияют на концентрацию внимания водителя.

Диплом

Отличить отдельную квартиру от коммунальной можно по входной двери: в коммуналках – несколько кнопок для звонка. Но на нашей двери был один звонок, общий. Чтобы все не выскакивали из комнат, мы договорились, кому сколько раз звонить.

С того момента, как я познакомилась с Сашей, в одно и тоже время в квартире раздавалось четыре звонка. Я летела к двери. Вместо цветов Саша вручал мне бутылку ацидофилина. Дефицитный напиток он покупал рядом со своим домом в магазине «Здоровье», отстояв длинную очередь.

И гость, и напиток действовали на меня совершенно гипнотическим образом. Я напрочь забывала, что хочу учиться на журфаке и впереди вступительные экзамены. Саше готовиться было не нужно, он автоматически стал студентом после окончания школы, в которой его тетя работала завучем. Первого сентября студенты-первокурсники приступили к учебе, а я пошла работать к папе, помощником секретаря. Папины сотрудники знали меня с пеленок. Вместо поручений угощали конфетами, сушками, вспоминали мою длинную и густую косу. Четыре звонка раздавались теперь по вечерам. За такой короткий промежуток времени – между работой и ацидофилином – я смогла подготовиться только к поступлению на библиотечный факультет института Культуры и отдыха, так называла это учебное заведение моя мама. На экзамене по истории мне достался билет «Внешняя политика Александра I». Экзамен принимал известный в Ленинграде историк Валентин Владимирович Мавродин, сын Владимира Васильевича. Ответ на вопрос я знала плохо, но провести еще один год у папы на работе очень не хотелось, и я начала практически слово в слово пересказывать главы из романа «Война и мир» Толстого. Так я оказалась на вечернем отделении. Три года заполняла библиотечные карточки, а потом забрала документы и поступила на филфак Педагогического университета.

На библиотечном факультете со мной учились красивые, нарядные и очень начитанные девушки. На заочном отделении Педагогического университета – взрослые, умные, нервные, пьющие, курящие и мало читающие из-за нехватки времени учителя. Перед началом семестра мы с подружками, Таней, Людой и Татьяной Борисовной, распределяли список художественной литературы. За несколько дней до экзаменов собирались у меня и пересказывали друг другу содержание. Таня приносила лобио. Татьяна Борисовна – борщ. Перед зимней сессией – украинский. Перед летней – холодный, на кефире. В квартире на Чкаловском проспекте, которую мы тогда снимали, была очень просторная кухня – рай для курильщиков. Вечером накануне экзаменов пили коньяк – лучшее средство справиться с тревожностью.

Мне не верилось, что учеба может когда-нибудь закончиться. Получив диплом, я по-прежнему чувствовала себя студенткой. По инерции поступила на психологический факультет Педагогического университета. Весь учебный год, слушая лекции, я думала: «Что я здесь делаю? Где Таня, Люда, Татьяна Борисовна, лобио, коньяк?».

Как-то раз встречала Леву из школы. Ждала прямо у класса: мы торопились к маме на свадьбу. До звонка оставалось минут пять. И все это время учительница сердилась на детей так, что страшно было даже в коридоре. Я думала, что они трясутся от ужаса, заикаются и падают у доски в обморок. Как только раздался звонок, румяные, улыбающиеся второклассники выбежали в коридор.

— Лева, что случилось? Почему Людмила Евгеньевна так ругалась на последнем уроке?

— Ругалась? — удивился Лева. — Я не помню, чтобы она ругалась. Это математика была. Мы деление проходили. Людмила Евгеньевна объясняла, как делить.

«Некудышный из меня психолог, да и учитель тоже», — подумала я и решила завершить свое образование раз и навсегда.

День учителя

Однажды вечером ко мне в гости пришли бывшие одноклассники с бутылкой вина. Мама отвлеклась от проверки тетрадей и села с нами общаться. Одноклассники очень обрадовались:

— О, Мария Александровна, мы еще никогда не выпивали с учительницей! Можно с Вами чокнуться?

В нашей семье самый важный праздник – День учителя. Мама обожает в этот день собирать коллег у себя или отмечать у них. Звонит подруге и профессиональным учительским басом просит позвать к телефону Зину. Дочка тети Зины передает трубку.

— Мама, тебя к телефону приятный мужской голос!

С тетей Зиной мама дружит давно: вместе работали, жили рядышком, дочери ровесницы. Потом тетя Зина получила квартиру на Индустриальном проспекте и перешла работать в дружную школу, поближе к дому. Тетя Зина приезжает к нам редко, но всегда надолго, допоздна. Уговаривает маму летом поехать в Кострому, на родину, к родственникам.

— Волга, баня, клубника, печка. Поехали, Мария.

— Поехали, Зина!

Начинаем обсуждать предстоящую поездку в мельчайших подробностях. С бытовых и финансовых моментов переходим на драматургию Островского.

Поздним вечером обнимаемся, прощаемся. Потом подруги выкуривают еще по одной и тетя Зина уходит. Через двадцать минут возвращается: ушла от нас в тапках, про обувь забыла, опомнилась только у Сенной площади.

Поездка в Кострому удалась. Остановились мы в деревне Космынино Нерехтского района Костромской области. Хозяйка дома, бабушка Аня, похожа на Кабаниху. На вид суровая женщина, но совсем не злая.

— Бабушка Аня, чем Вам помочь? Может, жуков колорадских собрать!

— Нет, не надо. Мои все улетели, нет их. Отдыхайте!

Сын бабушки Ани, деревенский труженик Валька, нежно ухаживает за моей мамой.

— Валя, ты должен с букетом цветочков, с ягодками постучаться в спальню, — учит жениха мама.

Валька исполняет беспрекословно. То сапоги найдет всем резиновые, если в лес собираемся, то пряниками угощает, если к самовару садимся.

Деревенские жители – удивительно простодушные и человечные. Живут на земле, и жизнь эта через край наполнена заботой о близких.

Сначала относятся к городским осторожно, смотрят недоверчиво.

— Бабушка Аня, где нам клубники купить?

— А вон, идите к Мелитине, попросите.

— А как ее дом узнать?

— А узнаете: у нее на лице три окна.

Нашли дом с тремя окнами на лице. Просим Мелитину продать клубнику.

— Я не продаю.

— Пожалуйста, Мелитина, продайте нам за тридцать рублей.

— За тридцать? Да вы что, богатые такие? – возмущается Мелитина и дарит нам таз свежей клубники. А вечером приносит еще один.

Постепенно мы вливаемся в деревенский ритм, соблюдаем этикет: встречаясь со соседями, не только здороваемся. Останавливаемся, чтобы немножко поговорить.

— Мелитина, куда идете?

— Да в лес, поставлю крест, может, кто помолится.

В последний день перед отъездом разразился гром. На Волге это явление пугающее.

— Бабушка Аня, мы боимся, пойдем в красный угол!

— Правильно, — одобряет хозяйка.

Отпуск в деревне закончился. На вокзале тетя Зина показывает проводнику билеты:

— Женщина, так это же у вас билеты на вчерашний день! Сегодня 20 июля, а не 19.

Мама и тетя Зина плачут от ужаса, и совершенно незнакомая пожилая женщина приглашает нас к себе ночевать:

— Бедные мои. Подождите немножко.

Добрая бабушка постелила нам чистое белье на своей кровати, а сама ложится спать на полу. Утром заботливо кормит вкусным завтраком и собирает огурцы в огороде нам в дорогу.

Мы снова плачем растроганные таким благодушием.

— Что Вам прислать из Ленинграда в деревню?

— Мне бы цитромона, доченьки. Давление низкое.

В ответ на бандероль с цитромоном получаем из Костромы большущую посылку. В опилки и в соломку аккуратно сложены яйца и лук. Благородство, присущее жизни вдали от городской суеты.

Учителям совершенно справедливо положен увеличенный отпуск. Только продолжительный перерыв может поправить здоровье, хоть немножко восстановить силы и снять тревожность.

Другая мамина коллега, тетя Лена, познакомилась с абхазцем. Автандил – хозяин огромного пансионата – пригласил любимую отметить Новый год у себя в Сухуми. Тетя Лена едет с дочкой, и мы с мамой за компанию. Поздним декабрьским вечером приезжаем на Московский вокзал. По перрону мечется тетя Лена, кричит, заламывает руки.

— Его нет! Осталось 15 минут! Его нет, Господи, его нет. Что же делать???

Рядом рыдает ее дочка Василиса.

— Вася, что случилось? — спрашивает моя мама.

— Горе, горе, тетя Машенька! Мама случайно в помойку билеты выбросила. Мы из автомата папе позвонили, чтобы он пошел на помойку искать и потом привез нам. А папы – нет. Тетя Маша, вдруг он не найдет? Бак мусорный могли уже увезти.

Бывший муж, художник Валера, все-таки сумел выудить из помойки билеты на поезд, поймал такси и примчался на вокзал за две минуты до отправления поезда. Через два дня, совершенно позабыв о стрессе, мы гуляем по берегу моря, греемся на солнце и любимся вечнозелеными деревьями увешанными мандаринами. Кажется, что в Абхазии других деревьев нет, только мандарины растут. Автандил очень старается нам всем угодить. Заваливает вкусностями, возит на красивые пляжи, рассказывает анекдоты, шутит, показывает карточные фокусы. Возвращаемся через Москву, тетя Лена хочет повидаться с мамой. И остается в Москве: выходит замуж за мужа сестры. Автандил напрасно старался.

Очень бы хотелось, чтобы мои дети не унаследовали учительскую рассеянность, выстраивали свою жизнь спокойно, гармонично, без деструктивных действий. Все трое с младенчества играют в шахматы, ведь это – самый мощный тренажер для мозга.

Гениальный тренер моего сына по шахматам за десять лет так и не запомнил несложное расположение комнат в нашей квартире. Но в шахматной доске и в детях он разбирается уникально.

Однажды мы с Марком опаздывали домой. Заезжаем во двор, а Сергей Иванович уже ждет у парадной. Я побежала за чем-то в магазин, а Сергей Иванович любезно предложил помочь достать из автомобильного кресла маленькую Беллу. Возвращаюсь через десять минут – Белла плачет. Сергей Иванович вместе с Марком пытаются ее вытащить, тянут за руки и за ноги.

— Мама, что-то странное, я не понимаю, — встревоженно говорит Марк, — Сергей Иванович не смог вытащить Беллу, и у меня не получается. Как будто что-то мешает.

Оказалось, шахматные стратеги забыли отстегнуть ремень безопасности.

Мы поднимаемся в квартиру. Пока успокоившаяся Белла варит пешки в кукольной кастрюльке, Сергей Иванович объясняет Марку сложнейшие шахматные комбинации.

— Сегеянович, съешьте пешку! — угощает Белла.

— Ах, ты умница! Сварила пешку, и я ее съем. Гениально! Пешечка – 2 очка. Пора мне и с тобой заниматься. Сколько тебе лет?

— Пятнадцать! — говорит Белла.

— Надо же, как хорошо сохранилась, а выглядишь значительно моложе.

Новый Свет

Однажды мы с большой компании маминых коллег отдыхали в поселке Новый Свет в Крыму. Эта небольшая, уютная бухта, окруженная двумя скалами «Орел» и «Сокол», известна гротом Шаляпина и заводом шампанских вин Голицына. В поселке располагался элитный московский санаторий с прекрасным розарием, пансионат и совсем немного частных домов. По утрам мы занимались йогой на пляже, днем купались и ходили гулять в горы. Вечерами на белой ротонде под темным звездным небом проходила дискотека. Компания была большая: четыре мамы с детьми. Снимали мы две комнаты. В большой жили взрослые, в маленькой – дети. Детскую комнату мамы называли палатой, как в лагере.

Я терпеть не могла детские лагеря. Больше трех дней не выдерживала и писала слезные письма: «Забири! Забири!». Обещала учиться по математике на пятерки, помогать, слушаться – готова была на любые испытания, только быстрее вернуться домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.